

мастера современной прозы

ХАНС КРИСТИАН БРАННЕР

Ханс Кристиан Браннер Ингеборг

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156081

*Ханс Кристиан Браннер «Никто не знает ночи. Рассказы», серия
«Мастера современной прозы»: Радуга; Москва; 1991*

Аннотация

Рассказы Ханса Кристиана Браннера, посвященные взаимоотношениям между мужчиной и женщиной и между взрослыми и детьми, создали писателю заслуженную славу мастера психологической новеллы.

Ханс Кристиан Браннер

Ингеборг

Когда Рут вернулась со двора домой, на круглом обеденном столе стояла зажженная свечка, а возле ее тарелки лежали коробка цветных карандашей и альбом с картинками для раскрашивания, хотя было еще только двадцать третье декабря.

– Мама! – крикнула Рут и запрыгала. – Мама, мама, мама!

В альбоме было множество нарисованных тонкими линиями картинок, которые девочка могла сама раскрасить. Рут села и начала перелистывать альбом. Глядя на кролика с длинными ушами, она подумала, что кролик должен быть коричневым с беленьким коротким хвостиком, с белыми лапками и с блестящими черными глазками. А вот кукла! У куклы будут, как и у Ингеборг, светлые волосы, нежно-розовые щечки, глазки словно незабудки и красное платье.

– Кушай, – сказала мать.

Но Рут никак не могла оторваться от альбома: в нем было, наверное, сто картинок. А еще ей подарили восемь цветных карандашей. Девочка наполовину вытянула их из коробки, сосчитала и стала разглядывать: есть и коричневый, и черный, и зеленый, и синий, и желтый, и фиолетовый, и тем-

но-красный, и ярко-алый...

– Мама, – спросила Рут, – сколько часов еще осталось до Сочельника?

– Немного, – ответила мать, – кушай да ложись-ка спать, вот время скорее и пройдет.

Но Рут почти не могла есть, а уж уснуть и подавно не сможет – это она знала. Осталось еще так много-много часов. Девочка болтала ногами и никак не могла успокоиться. У нее даже живот заболел от нетерпения. Подумать только, как много часов еще осталось!

– Ма-а-ма, ма-а-ма, ма-а-ма, – затянула она и чуть не заплакала. Все-таки Рут согласилась пораньше лечь в постель. Хорошо лежать

в темной комнате и думать. В темноте лучше думается.

– Мама, – спросила она, когда мать наклонилась над ее кроватью, – мы пойдем завтра на площадь Ратуши посмотреть большую елку?

– Наверно, пойдем, – ответила мать, – если успеем. Мне нужно дошить платье, оно должно быть готово к Рождеству.

– А ты не можешь шить его ночью, мама?

– Конечно, могу. – Мать улыбнулась, и Рут поняла, что они успеют. К матери приходили такие сердитые дамы, и она никогда не знала,

успеет ли кончить работу, но всегда успевала. Она просто сидела по ночам и успевала.

– Мама! – Рут подпрыгнула на кровати, притянула к себе

голову матери и потерлась о ее лоб, нос, щеки. Ощутила запах комнаты, запах тепла и всевозможных платьев. Она любила этот запах.

Было почти совсем темно, только из-под двери пробивалась полоска желтого света. Мать сидела в другой комнате за большой ножной машиной. Рут нравилось лежать в темноте и слушать шум швейной машины. Машина пожужжит-пожужжит и остановится, потом опять жужжит. Вот там стало темно, мать держала что-то перед лампой, потом она начала потихоньку напевать тем удивительным голосом, который у нее появлялся, когда она шила по ночам. Значит, мама думает, что Рут заснула, – девочка беззвучно рассмеялась, – а ведь она не спит и все слышит. Она нырнула под перину и смеялась так, что чуть не задохнулась.

– Завтра Сочельник, – прошептала девочка.

Очень хотелось поболтать ногами, пришлось подтянуть колени к самому подбородку и обхватить ноги руками. Нет, больше она не может выдержать. Ей нужно с кем-нибудь поговорить. Она нащупала в темноте Ингеборг, лежавшую на стуле возле кровати, потрогала ее голову, нос, твердые фарфоровые локоны и положила куклу к себе под перину.

– Послушай, завтра Сочельник, – начала Рут и все-таки заболтала ногами.

Это Ингеборг прекрасно знала. Она лежала тихо и, не открывая рта, задала лишь один вопрос. Спросила о елке.

– Да, у нас есть елка, – ответила Рут. – Знаешь, я не дума-

ла, что она будет такая большая. Мы ее купили совсем маленькую, другие елки были в два раза выше. А теперь у нас в комнате она стала такая большая, и когда стоишь под ней, то кажется, будто она поднимается до самого потолка. Но ты увидишь ее только завтра, когда на ней будут свечи, двадцать свечей, сто... – шептала Рут, болтая ногами.

Ингеборг лежала тихо.

– Расскажи еще, – не открывая рта, сказала она.

– О чем же еще, о большой посылке от родственников из Ютландии? Мне кажется, я знаю, что там есть для тебя. Но не скажу. В прошлом году тебе подарили кровать, а в этом году подарят что-то другое – никогда не угадаешь! Это нужно для того, чтобы есть. Нет, не скажу. Попробуй угадай!

Ингеборг почти догадалась, и девочке пришлось зажать ей рот пальцем.

– Молчи! Знаешь, большая елка на площади Ратуши поднимается до самого неба. На ней сто тысяч миллионов свечей! Завтра мы пойдем туда смотреть на нее. Только нужно, чтобы пошел снег, чтобы завтра везде был снег и лед на окнах, цветочки и елочки изо льда. И нужно лежать, не спать и думать об этом, а то ничего не будет. Нужно не спать всю ночь...

Но, наверно, Рут заснула, потому что все вокруг изменилось. Снова стало темно, Рождество уже прошло, а мама ее не разбудила. Все прошло, дверь закрыта, и никакого Рождества нет.

– Мама! – закричала Рут, вскочила с постели, рванула дверь и остановилась, ослепленная светом лампы, и заплакала. Мама сидит и шьет. Никакого Рождества нет...

Мать подошла и приподняла ее.

– Что ты, Рут, еще не утро, всего три часа. Спи. Слышишь?

– Но, мама, разве Сочельник будет только завтра?

– Конечно, только завтра. А это еще не скоро. Спи.

Рут снова легла в постель и погрузилась глубоко в сонную мглу. Девочка улыбалась, ей опять стало весело, только она как будто очень устала. Она была веселой и усталой.

– Елка, мама, большая елка...

– Да, – сказал голос, – а теперь спи.

Но Рут не могла заснуть. Ей стало еще веселее, но двигаться не хотелось. Она лежала совсем тихо и смотрела на желтую полосу света, которая пробивалась сквозь щелку под дверью. Вскоре она увидела другой свет, слабый, сероватый, за оконными шторами. Рут окончательно проснулась, она знала, что это утро, утро Сочельника. Ее сердце так и запрыгало.

– Мама, – закричала она, – мама!

Мама вошла и подняла шторы. Шел дождь, на окне не было никаких ледяных узоров. Рут сидела в постели и никак не могла поверить, что сегодня Сочельник, – кругом было так тихо. Девочка одевалась медленно и торжественно, руки едва двигались. Она села за стол, начала есть, но ей казалось,

что каша разбухает у нее во рту.

– Мама, я больше не могу, – сказала она.

– Ну так не ешь, – ответила мать.

Рут посидела еще немного, было очень тихо. За маленьким столиком сидела мать и все еще шила.

– Мама, не будь такой.

– Какой?

– Такой сердитой.

– А я вовсе не сердитая, мне просто некогда.

Лицо у матери было совсем серое, как дождь за окном.

Рут подошла и обняла ее за шею.

– Мама!

– Оставь меня, Рут, мне нужно закончить платье. Раскрашивай свой альбом.

– Нет, я не хочу раскрашивать до Рождества. Пока не начнется настоящее Рождество.

– Тогда займись чем-нибудь другим.

Но девочка никак не могла ничем заняться. Она сидела у окна и смотрела на улицу, там было тихо и мокро. Она слонялась по комнате, глядя воспаленными глазами на разбросанные всюду кусочки материи, на стучащую машину.

– Дождь перестал, – заметила мать, – пойди посмотри на витрину. Рут надела пальто и пошла на угол улицы к витрине. Там лежала посыпанная блестками вата, карлики катались с горки на санях, а дальше виднелась церковь с освещенными окнами. Но все было совсем не так, как вчера и

в другие дни. И картонные листы, из которых можно вырезать кукол и платья для них, те самые, о которых она мечтала, были не такие, как раньше. Они стали совсем неинтересными. Все было таким будничным, и люди, которые шли мимо, – тоже будничные. Тихо и мокро, и совсем не похоже на Сочельник. Может быть, когда стемнеет... Но до вечера оставалось еще много часов, а мать все сидела и шила.

Девочку охватила тревога, она отправилась дальше и пошла по Конгенсгаде. Рут знала, что на этой улице где-то есть большая витрина с игрушками, только это, наверно, не близко, а она и так забрела далеко от дома, нужно бы вернуться. И все-таки она продолжала идти дальше. Ей стало страшно, все было здесь другое, совсем не то, к чему она привыкла, – и дома, и магазины, и люди. Они могли сразу догадаться, что она не с этой улицы. Рут не была уверена, что найдет дорогу домой. Вот сейчас она повернет назад... Но она все шла дальше. Витрины с игрушками не было.

И вдруг она очутилась перед этой витриной. Рут так и застыла, забыв обо всем на свете, – вот уж никогда она не думала, что в мире может быть так много игрушек, и, наверно, каждая стоит сто крон. Тут была кукла в коляске – совсем как настоящий ребенок в настоящей детской коляске. Рут даже не поверила, что это просто кукла. И кукольный дом, совсем как настоящий большой дом, из кирпича, с крышей, а внутри четыре комнаты с настоящими столами, стульями, кроватями и картинами на стенах... Рут представила

себе, что она живет в этом доме, ест за этим столом, спит на этой кровати.

Но вдруг кто-то остановился возле нее, и в ту же минуту девочка увидела в стекле свое лицо, непокрытую голову, нос, крепко прижатый к стеклу, совсем побелевший и расплющенный. Она быстро отошла от витрины— наверно, не разрешается смотреть на нее, к тому же сразу заметно, что Рут не с этой улицы. Около нее стояли два мальчика, очень похожие на кукол в витрине, да она-то не похожа на все эти прекрасные, блестящие игрушки за сто крон... Девочке захотелось домой, она только хотела повернуться и бежать, как вдруг из магазина кто-то вышел и окликнул ее. Это была Аннелисе со своей мамой фру Сейделин. Рут их знала. Мама шила им платья, и они иногда приходили к ней.

— Рут! — еще раз закричала Аннелисе, но Рут бежала без оглядки. Тогда фру Сейделин тоже позвала ее, и девочке пришлось подойти.

Она шла медленно, ведь они наверняка понимают, что ей не следовало здесь быть. Но фру Сейделин только поздоровалась и спросила, как она поживает и как поживает мама, и еще спросила, рада ли она, что наступил Сочельник. Рут потупилась, сделала книксен и ответила, что, конечно, рада. Она не решалась взглянуть на фру Сейделин, а та стояла прямо перед ней в серой меховой шубе, похожая на серого шипящего лебедя. И шея ее, и голова были тоже как у лебедя, который смотрит на тебя сверху вниз. А рядом с ней была

Аннелисе в светло-голубой шапочке и шубке с белым меховым воротником и белой оторочкой на подоле и рукавах. Из всего этого белого и голубого выглядывало личико Аннелисе. Она смеялась и не отрываясь смотрела на Рут.

– До свидания, – сказала Рут и снова присела.

– Подожди, – остановила ее фру Сейделин. – Мне нужно кое-что купить. А вы с Аннелисе пока побудьте здесь.

И снова Рут стояла перед витриной, теперь вместе с Аннелисе. Она не решалась даже взглянуть на все это белое и голубое, не решалась теперь смотреть и на выставленные игрушки. У нее внутри как будто все застыло, и она не могла выговорить ни слова. А ноги были готовы бежать – домой, домой...

– Чего тебе хочется? – спросила Аннелисе.

Рут не знала. Она ничего не знала. Ей ничего не хотелось.

– А я хочу куклу и вон ту коляску, – сказала Аннелисе. – И кукольный дом. Хотя нет, у меня уже есть такой. Этот, может быть, немного покрасивее. Нет, мой красивее. И я знаю, что мне подарят лыжи и лыжный костюм. Мы завтра поедем в Норвегию и будем там кататься на лыжах. Нет, не завтра, а послезавтра. Завтра у нас будут гости и мне опять всего надарят. А у вас будут гости?

– Не знаю, – ответила Рут. – Наверно, нет.

– Что же вы, и будете только вдвоем с мамой?

Рут поняла, что ей надо что-то сказать, долго говорить. Она быстро подняла руку и показала пальцем на что-то в

окне – что-то там двигалось. Высоко над всеми игрушками, над всеми этими великолепными вещами стоял дед-мороз. У него было строгое лицо и белая борода, он все время кивал, кивал медленно и строго.

– Посмотри на него, – сказала Рут, – он как Господь Бог...
– И замолчала. Она поняла, что было глупо говорить о Господе Боге.

– Кто? – спросила Аннелисе. – Этот? Вот уж не нахожу. Подумаешь – все время кивает. У меня есть вещи поинтереснее, целый шкаф всяких занятных штук. Чучела настоящих зверей и много всего другого. Приходи как-нибудь посмотреть. Да пойдем теперь. Давай? Прямо сейчас.

– Я не могу, – ответила Рут. – Мне нужно домой, кушать.

– Покушаешь у нас. Сейчас придет мама, и я скажу ей, хорошо?

Фру Сейделин вышла из магазина. У нее в руках был пакет – большая коробка, завернутая в специальную рождественскую бумагу.

– А это кому? – спросила Аннелисе. – Опять мне?

– Нет, – ответила фру Сейделин. – Это для Рут.

– Мама, а разве это не... ты ведь знаешь, что мне хочется?

– Может быть, – ответила фру Сейделин. – Но у тебя так много всего, и мне кажется, что ее надо подарить Рут. Пожалуйста, возьми, Рут. Но только не развертывай до вечера.

Фру Сейделин была такая большая и шумная в своей серой шубе. Она изгибала шею и улыбалась откуда-то сверху,

как лебедь, если только лебедь умеет улыбаться...

Рут хотела поблагодарить. Но из горла ее вырвался только какой-то неопределенный звук. Девочка откашлялась.

– Большое спасибо, – наконец выговорила она и присела. Но этого было мало, следовало сказать еще что-то. Девочка держала большую коробку и думала: лучше было бы не получать этого подарка, лучше было бы совсем не встречаться с ними. – До свидания, большое спасибо, – повторила она и присела.

Домой, домой, с коробкой, домой, бегом...

Но Аннелисе и фру Сейделин было по пути с Рут – они жили на Бредгаде. Пришлось часть пути идти вместе с ними. И Рут шла с коробкой в руках.

– А я хорошо знаю, что там, – сказала Аннелисе. – Ее мне должны были подарить. Но это неважно, пусть будет тебе.

Она посмотрела на мать, и фру Сейделин, изогнув шею, улыбнулась ей сверху. Рут несла коробку, но, в сущности, это была не ее коробка, а коробка Аннелисе.

– Мама, – спросила Аннелисе, – а можно Рут пойдет к нам и покушает с нами?

– В Сочельник-то! – сказала фру Сейделин. – Я думаю, что ее маме это не понравится.

– А завтра?

– Завтра у нас будет полон дом гостей. Но в какой-нибудь другой день Рут, пожалуй, может прийти. Подумаем, когда вернемся с отдыха...

Рут шла с коробкой и радовалась, что ей не нужно идти к Аннелисе, это было бы ужасно. Наконец они остановились у перекрестка, где им предстояло расстаться.

– До свидания, Рут, передай привет маме. Счастливого Рождества... Пойдем, Аннелисе.

Но Аннелисе не пошла за матерью. Голубая варежка крепко держала Рут за руку.

– Пока, пока, пока! – кричала Аннелисе и прыгала вокруг Рут, глаза ее тоже прыгали и сверкали из белого и голубого. И вдруг Аннелисе очутилась где-то далеко на улице и кричала что-то о том, что Рут должна прийти и они будут играть. Рут не отвечала ей и бежала во всю прыть. В коробке что-то постукивало. Может быть, это всего-навсего пара ботинок. Но, добежав до своего угла, Рут вдруг поняла, что это такое. Девочке показалось, что ее толкнули в грудь, и она остановилась, чтобы отдышаться. «Ой, нет», – выдохнула она, но знала: в коробке кукла.

– Мама! – закричала она, прежде чем открылась дверь. – Мама, посмотри! – И Рут была уже в комнате и рассказывала залпом обо всем – о магазине, об Аннелисе, о фру Сейделин, о том, что она должна прийти к ним в гости, кушать и играть. – Ты разрешишь, мама?

– Конечно, – согласилась мать. Она все еще сидела за машиной, блестящее колесо вертелось.

– Мама, я знаю, что это кукла, я знаю. Потому что Аннелисе хотелось куклу, но куклу подарили не ей, а мне. Я знаю.

– Вот как, – сказала мать, следя глазами за узким швом, бежавшим из-под иголки.

– Мама, да ты не слушаешь?

– Нет, я слушаю, Рут, я только немного устала.

– Мама, ты не должна уставать, не должна!

– Не должна? Нет, конечно, это я только так говорю, я совсем не устала. – Глаза матери не отрываясь следили за швом.

Рут прокралась в спальню и закрыла за собой дверь, ей хотелось остаться наедине с коробкой. Если взять острые ножницы и проделать маленькую дырочку? Нет, коробку нельзя портить, ее надо хранить вечно, и бумагу, и бечевку тоже.

Но узел не такой тугой, нельзя ли... Да. Нет... Но узел развязался сам собой, бумага соскользнула в сторону. А крышка приоткрылась как раз настолько, что туда можно было просунуть палец. Сверху лежала мягкая вата. Рут подсунула палец под нее и нащупала куклу, ее волосы. Это были настоящие волосы, а не нарисованные на фарфоре, как у Ингеборг. Теперь коробка совсем открылась и можно было видеть всю куклу. Рут стояла почти не дыша. Она не могла дышать. Она стояла тихо-тихо, не решаясь пошевелинуться. Кукла лежала с закрытыми глазами, но, когда Рут очень осторожно поставила коробку стоямя, кукла открыла глаза, медленно открыла свои голубые-голубые глаза... Нет, это было уж слишком. Рут не отважилась еще раз взглянуть на куклу и положила коробку – пусть кукла спит. На ней было голубое пла-

ть, голубые чулки и башмаки, у нее были светлые настоящие волосы, как у человека. Ее звали Аннелисе. Аннелисе Сейделин – вот как ее звали. Ей не нужно было придумывать имя. Оно у нее уже было. Рут боялась закричать и поэтому не смотрела на куклу. Она быстро положила розовую вату сверху, закрыла коробку крышкой, обернула бумагой, стараясь складывать ее так, как она была сложена раньше. И таким же узлом завязала бечевку. Теперь никто не заметит, что она открывала коробку.

За обедом Рут чуть не рассказала маме об Аннелисе, Аннелисе Сейделин, ее имя так и вертелось у нее на языке; Рут ерзала на стуле и смеялась про себя: вот мама сидит, как всегда, и ничего не знает.

Посуда была убрана, и Рут, видя, что мать надевает шляпу, спросила:

– Мама, а теперь мы пойдем смотреть большую елку?

– Сначала мне нужно отнести платье, а когда я вернусь, мы пойдем.

– А мне можно сейчас пойти с тобой, мама?

– Нет, я поеду на трамвае, мне надо торопиться. Ты пока побудь одна...

Мать уже спускалась с лестницы; в парадном хлопнула дверь.

Немного погодя Рут вошла в маленькую комнату, там под елкой лежала теперь коробка... Пожалуй, не следовало бы заходить туда, ведь, если она сейчас все увидит, никакого

праздника не будет. Как жаль, что мама не взяла ее с собой, тогда она не смогла бы этого сделать. А теперь сделала. Рут расстроилась, на душе у нее стало тяжело. Да и елка-то не такая уж высокая и на ней совсем не так много украшений. Здесь самая замечательная вещь – коробка. Только она совсем не на месте возле этой елки и других вещей, она напоминает о большом магазине, об Аннелисе и фру Сейделин. «Ее хотели подарить мне...» Да, конечно, ей положено быть у Аннелисе. У Аннелисе Сейделин. Рут не хотелось снова открывать коробку, и она пошла к Ингеборг.

– Ингеборг! – позвала она и прижала голову куклы к щеке.

И вдруг Рут поняла: ей жалко Ингеборг. Она больше не будет спать на своей кроватке, теперь это кровать Аннелисе, Аннелисе Сейделин. А Ингеборг можно будет укладывать в коробку с розовой ватой. Да, но раньше-то у Ингеборг была своя кровать, а теперь Ингеборг будет сидеть и смотреть, как Рут играет с Аннелисе, раздевает и одевает ее, укладывает в постель. И она будет видеть это всегда, она ведь не спит, потому что не может закрывать глаза. Ингеборг будет всегда сидеть с открытыми глазами и видеть все.

Это ужасно, но Рут ничего не может сделать. Девочка раскачивалась взад и вперед, прижимаясь щекой к Ингеборг, к ее твердым фарфоровым кудрям. Ведь у нее не было настоящих волос, как у людей, как у Аннелисе. Аннелисе была Аннелисе Сейделин. А Ингеборг уже не была больше Ингеборг...

И вдруг Рут поняла, что надо сделать. И сразу повеселела. Она встала на колени перед кухонным шкафом, нашла пустую коробку из-под ботинок, бечевку, большой кусок розовой папиросной бумаги. Рут не смотрела на Ингеборг, даже как будто не замечала ее, так она торопилась. Бумаги было слишком много, она мялась, и Рут запихивала ее под бечевку. Потом взяла карандаш и написала... Да, но как писать «Аннелисе» – в одно или в два слова? Рут также не знала, как пишется фамилия «Сейделин». Она написала: «Счастливого Рождества! Рут».

Девочка надела пальто, спустилась по лестнице и выбежала на улицу. Ей казалось, что это не она бежит, а кто-то другой. Рут было страшно и весело, грустно и весело. Рут бежала и чувствовала, как мечется в коробке Ингеборг. Тогда она пошла медленно, осторожно держа коробку.

– У тебя будет коляска, – сказала она, – настоящая коляска с одеялом из белого меха, и будет настоящий дом с настоящим столом и стульями, с настоящей кроватью, с картинами на стенах. У тебя все будет.

Девочка говорила про себя, не открывая рта, как это делала Ингеборг. Так они всегда беседовали...

Но вот уже и Бредгаде. Рут боялась, что не найдет дома, она ведь была здесь всего один раз, и то с мамой. Все-таки девочка нашла его почти сразу, даже слишком быстро. Там были большие ворота, за ними другие – маленькие, за стеклянной дверью стоял человек, на лестнице лежал толстый крас-

ный ковер, прикрепленный к ступенькам золотыми прутьями, на нее выходили большие великолепные двери. На золотой табличке было написано: «Сейделин». Рут немного помедлила. Бумага на коробке снова развернулась. Рут сначала запихала ее под бечевку, а уж потом позвонила. Вышел человек во фраке.

– Пожалуйста, передайте это Аннелисе, – сказала Рут, сделав книксен.

Человек что-то говорил ей, но она уже быстро бежала вниз, по красной лестнице с золотыми палочками на ступеньках. А вдруг Аннелисе или фру Сейделин выйдут и увидят ее? Рут почувствовала себя в безопасности, только когда домчалась до Конгенсгаде, тут она остановилась, чтобы перевести дыхание. Конец пути она шла очень медленно.

Когда стало темнеть, Рут с матерью пошли смотреть большую елку на площади Ратуши. Девочка стояла притихшая и думала: вот такая елка, наверно, у Аннелисе – упирается верхушкой в небо, и на ней тысяча миллионов свечей.

На обратном пути она молча сидела в трамвае и все думала об этом.

Был праздник, но не совсем настоящий, он не стал настоящим, даже когда сели за стол и зажгли все свечи, и даже когда девочке попалась миндалина в пироге, и даже когда зажгли елку и Рут с матерью запели песню и начали распаковывать подарки. Тут были картонные листы, из которых можно было вырезать кукол и платья для них, и книга, и кукольная плита

с кастрюлями, чашками, тарелками для Ингеборг. А теперь из них будет кушать Аннелисе, Аннелисе Сейделин. Рут не очень-то внимательно разглядывала все эти игрушки и совсем не смотрела на Аннелисе. Она была рада, но не очень.

– А где же Ингеборг? – спросила мать. – Разве ты не принесешь ее сюда?

Но Рут не ответила и начала что-то говорить про кукол из картона.

– Иди сюда, мама, мама! Мы будем их вырезать!

И вот они сидят у стола и вырезают кукол. Рут все время болтает, примеряя на них платья, болтает только для того, чтобы мама опять не спросила про Ингеборг.

Ложась в постель, Рут сама потушила свет и уже в темноте обняла маму и пожелала ей спокойной ночи. Рут сказала, что ей очень хочется спать, а сама лежала в темноте и все думала. Да, это Сочельник, но все почему-то не совсем так, как должно быть. На стуле рядом с ее кроватью лежала Аннелисе Сейделин и спала по-настоящему, с закрытыми глазами.

Утром, как только Рут проснулась, она сразу почувствовала: сегодня что-то случится. Однако ничего не случилось, пока на всех церквях не зазвонили большие колокола и мама не ушла. Девочка сказала, что ей не хочется идти в церковь. Она лучше побудет дома и поиграет. Но играть она не стала, а примостилась на коленях на стуле и смотрела на улицу. Ни о чем особенном она не думала, просто ей было скучно

и грустно, и она знала, что обязательно что-то случится. И когда у двери позвонили, ей показалось, будто она все время ждала этого звонка.

Рут открыла дверь и увидела светло-голубую шапочку и светло-голубую шубку с белым мехом на воротнике и рукавах. И среди этого белого и голубого она увидела личико Аннелисе Сейделин.

– Вот, возьми! – сказала Аннелисе и протянула ей что-то.

Рут не ответила. Она взяла то, что ей дали, и держала в руках. Это была большая коробка в розовой бумаге.

– Мне не позволяют ее брать, – продолжала Аннелисе. – Да к тому же она мне совсем не нравится. Безобразная кукла! У нее только голова настоящая, а вся она из тряпья. С такими куклами теперь никто не играет. И потом, это старая кукла, одного уха у нее нет. Мама говорит, если я подарила тебе куклу, то это не значит, что ты тоже должна дарить мне куклу.

Рут стояла с коробкой в руках. Бумага с одной стороны торчала, и она засунула ее под бечевку. И все стояла и все засовывала бумагу.

– Ну а что ты получила на Рождество? – спросила Аннелисе. – Знаешь, что я получила? – Девочка начала перечислять и перечисляла, перечисляла без конца.

Кто-то позвал ее с улицы: «Аннелисе!»

– Иду! – крикнула Аннелисе. – Это моя няня, – пояснила девочка. – Она ждет меня внизу. Ну, до свидания. Приходи,

когда мы вернемся домой...

Аннелисе направилась к лестнице. Исчезла и опять появилась на повороте, исчезла и появилась, легкая, бело-голубая. Рут стояла и смотрела на нее.

– Приходи! – в последний раз крикнула Аннелисе откуда-то снизу, и дверь захлопнулась.

Рут долго сидела, опустив коробку на колени и придерживая ее руками. Как странно, ей казалось, что у нее нет пальцев. Наконец бумага развернулась, бечевка развязалась, крышка поднялась. В коробке лежала Ингеборг. Кукла, которую она назвала когда-то Ингеборг, безобразная кукла, старая. У нее только голова как у настоящей куклы, а все остальное из тряпья. А в спальне лежала Аннелисе с настоящими руками и ногами, которые могут сгибаться в локтях и коленях, с настоящими волосами, как у людей, с настоящими глазами, которые закрываются, когда ее укладывают, и открываются, когда ее поднимают. Аннелисе Сейделин.

Рут медленно подошла к кукле, взяла ее, поднесла к открытому окну.

Она долго стояла у окна и смотрела, как падает что-то светло-голубое. Она услышала, как кукла упала на серый асфальт там внизу. Теперь бледно-голубое лежало неподвижно, а вокруг валялись осколки. Было так странно, она и видела, и не видела куклу.

Там внизу лежала Аннелисе Сейделин. Настоящая Аннелисе Сейделин.

И тогда Рут заплакала.